

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

XI Международная конференция по когнитивной лингвистике (ICLC–XI)

Одиннадцатая международная конференция по когнитивной лингвистике (The 11<sup>th</sup> international cognitive linguistics conference, ICLC–XI) прошла 11–17 июля 2011 г. в Сиане (Китай) – спустя четыре года после десятой конференции, состоявшейся в 2007 г. в Кракове (в 2009 г. конференция не проводилась).

Несмотря на перерыв в работе и удаленность места проведения от Европы и Америки, конференция собрала ведущих специалистов в разных областях современной когнитивной лингвистики из разных стран. Она объединила около 500 участников, ежедневно в течение пяти дней работало до десяти параллельных секций, на которых было представлено более 400 докладов. Все секции были тематическими – пять из них, посвященные когнитивному подходу к грамматическим конструкциям, эволюции языка, концептуализации абстрактного и конкретного движения, а также пространственной модели, предложенной в свое время Талми (L. Talmy), и применению когнитивной грамматики Лангакера (R. Langacker)<sup>1</sup>, были организованы заранее. Остальные секции сформировал программный комитет из близких по темам докладов.

На конференции было прочитано восемь часовых пленарных докладов, которые представили Х. Баайен (H. Baayen), Э. Дабровска (E. Dąbrowska), М. Фрид (M. Fried), К. Хори

(K. Horie), Дж. Люси (J. Lucy), Р. Лангакер (R. Langacker), Ш. Цзясюань (Jiaxuan Sh.) и Л. Талми (L. Talmy).

Х. Баайен (Канада) в своем пленарном докладе «Наивное различительное обучение и ориентированные на употребление модели грамматики» рассказал о предложенной им ранее [Baayen et al. 2011] компьютерной модели, описывающей, как происходит изучение языка. Он применил эту модель к выбору одного из вариантов дативной конструкции в английском языке, ср. (1) *The man sold the property to the bank* и (2) *The man sold the bank the property*. Компьютерная модель ориентирована на лексику – она оценивает вклад отдельных компонентов конструкции и для каждого контекста предсказывает, какой выбор оформления (1) или (2) вероятнее всего сделает носитель языка. Изначально модель выбирает одну из двух возможных конструкций с равной вероятностью, однако после предъявления каждого примера «обучается». Если модели был предъявлен пример *The woman sold it to him*, то для каждого из слов в этом предложении увеличивается вероятность выбора конструкции типа (2). После «обучения» на 5000 размеченных примерах из Британского национального корпуса (BNC) модель может проанализировать новый, до этого не встречавшийся, контекст и предсказать наиболее вероятную конструкцию с погрешностью 0,3 %. Несмотря на ограниченный объем исследования, оно позволяет сделать достаточно общие выводы как о механизмах языкового обучения, так и о внутренней структуре конструкций в языке, подтверждая в очередной раз известный тезис об их некомпозиционной природе.

Доклад К. Хори (Япония) «Что нового может сообщить когнитивная типология о языках Восточной Азии» был

<sup>1</sup> Когнитивные подходы к грамматическим конструкциям, эволюция языка, описание движения в более широкой перспективе – от движения к каузированному движению и восприятию, пространственная модель в когнитивной семантике Талми, применение когнитивной грамматики Лангакера.

посвящен прикладной когнитивной типологии – направлению, возникшему на стыке когнитивной лингвистики и лингвистической типологии и ставящему перед собой такие вопросы, как:

1. Чем различаются когнитивные основы (cognitive underpinnings) типологически различных языков?

2. Как различные когнитивные основы влияют на освоение родного и иностранных языков?

К. Хори показал, что языки Восточной Азии обладают рядом семантических и прагматических особенностей, которые отличают их от индоевропейских языков, долгое время находившихся в фокусе внимания когнитивной лингвистики. Например, в языках Восточной Азии представлена ориентация на топик предложения (в противоположность ориентации на субъект предложения в европейских языках), эллипсис уже упомянутых аргументов предложения [Horie, in press], фокус на ситуации в отличие от фокуса на человеке [Hinds 1986; Ikegami 2005]. Многие из этих различий становятся видны, если сравнить английское предложение *I can see stars* 'Я вижу звезды' и его японский аналог *Hoshi ga mieru*, который дословно можно перевести как 'Звезды видны мне'. Английский описывает эту ситуацию с точки зрения активного участника, а японский язык видит всю ситуацию в целом, и участник отходит с первого плана в пресуппозицию. К. Хори выразил надежду, что в рамках когнитивной типологии изучению этих особенностей в будущем будет уделено большее внимание.

Доклад Дж. Люси (США) «Языковое разнообразие и когнитивное развитие: доводы в пользу одного тезиса» суммировал основные проблемы и задачи современной когнитивной лингвистики. Автор в очередной раз обратился к проблеме связи между языком, языковой картиной мира и общими когнитивными способностями. Он, в частности, показал, что языки, в которых есть согласовательные классы (как, например, язык майя), предлагают своим носителям картину мира, отличающуюся от картины мира, традиционной для носителей европейских языков. В своем докладе Дж. Люси описал эксперимент, в котором участвовали носители английского языка и языка майя. Испытуемым предлагалось выбрать для каждого выданного им объекта наиболее похожий на него. Эксперимент показал, что носители разных языков группировали объекты на основании разных признаков. Например, в одном из наборов участникам предлагалась деревянная расческа с длинной ручкой, деревянная расческа без ручки и пластмассовая расческа с длинной ручкой. Носители английского язы-

ка объединяли объекты, схожие по форме: две расчески с длинной ручкой, а носители языка майя объединяли вместе объекты из одного материала: две деревянные расчески. Более того дальнейшие эксперименты с детьми показали, что семилетние носители обоих языков делали выбор на основании формы, а начиная с девяти лет носители майя начинали объединять объекты по материалу.

Основной вывод доклада заключается в том, что язык интегрирован в когнитивные способности человека и неизбежно культурно специфичен. В поддержку этого тезиса Дж. Люси привел данные об особенностях изучения иностранных языков. Языковая интерференция из родного языка свидетельствует о том, что представления о мире, включающие категоризацию, тесно связаны с языком и культурой.

Ш. Цзясюань (Китай) в докладе «Существительные и глаголы в китайском языке в когнитивной, философской и типологической перспективах» изложил ряд соображений, по которым глаголы в китайском языке являются подклассом существительных.

В отличие от европейских языков, для которых наличие двух грамматических классов слов – глаголов и существительных, является неоспоримым, в китайском действия и события осмысляются как предметы (activities and events as things). Таким образом, структурную границу между существительными и глаголами в китайском языке провести невозможно.

Ориентация на существительные и конкретные объекты действительности, присущая китайскому языку и культуре, находит отражение в системе концептов «существования» китайского языка. В нем нет аналога глагола 'быть', привычного для европейцев. Вместо него присутствуют концепты *shi* 'являться' и *you* 'иметь / иметься'. Это происходит потому, что китайский язык ориентирован на существительные, для которых существование находится в пресуппозиции. Для них особенно важными являются свойства и наличие / отсутствие в актуальном пространстве. В результате, китайская философия не задается традиционным европейским вопросом «to be or not to be» – аналогом этого изречения является «to you or not to you» («иметься или не иметься»).

Доклад Л. Талми (США) «Как язык попадает в мишень: когнитивные механизмы, стоящие за дейксисом и анафорой» был посвящен механизмам, которые задействуются в процессе коммуникации, чтобы объект (мишень), к которому хочет привлечь внимание говорящий, попал в фокус внимания слушающего.

Для успешной коммуникации необходимо, чтобы слушающему были понятны дейктические и анафорические отсылки, используемые

говорящим, нужно поместить мишень в фокус внимания собеседника и таким образом задать координаты обсуждаемой ситуации. Для этого можно использовать различные лингвистические и экстралингвистические ключи, после чего говорящий может указывать на введенные таким образом объекты, используя дейктические и анафорические единицы (как например англ. *this-that/ here-there/ he-she/ it-they*).

Наряду с традиционно рассматриваемыми лексическими и жестовыми ключами (указательные слова и непосредственные указания на объект), Л. Талми вводит менее очевидные способы активизации мишени. Например, он рассматривает ситуативные ключи. Так, если собеседники входят в помещение и чувствуют сильный запах кофе, один из них может начать разговор с фразы: «Этот кофе мы выращиваем сами», – таким образом отсылая к ситуативно активизированной мишени. Ключом также может послужить объект, который попал в фокус внимания одного из участников коммуникации. Так, заметив, что в поле зрения собеседника попала некоторая машина, мы можем сказать: «Это – Феррари», – и наш комментарий будет понятен слушающему, потому что этот объект уже находится в фокусе его внимания.

Другой интересный тип ключей, который вводит Л. Талми, – это зеркальные жесты. Допустим, один из собеседников может спросить другого: «Что это у тебя на щеке?», показывая при этом на свою щеку. Слушающему при этом очевидно, что такой жест указывает на него косвенным образом и, пользуясь сходством человеческих тел, может догадаться, какая точка на его собственном лице является реальной мишенью жеста.

Одним из наиболее сильных впечатлений от конференции в целом было количество сторонников когнитивной лингвистики в Китае. Около трети докладов было сделано участниками из Китая (конечно, это связано и с местом проведения конференции), причем они были представлены почти на всех секциях профессорами и аспирантами, за исключением разве что секции, посвященной эволюции языка.

Значительная часть китайских докладов описывала результаты применения различных когнитивных теорий к традиционным для китайской лингвистики вопросам: системе видо-временных показателей, различению аспектуальных показателей *le1* и *le2*, различным типам пассивных, результативных и каузативных конструкций, предложениям существования и наличия, глагольным счетным словам, сериальным глагольным конструкциям, номинализации, случаям нарушения порядка слов и т.п.

Другим важнейшим направлением было описание метафор, в основном в понимании Дж. Лакова. Так, были представлены доклады о метафорах в научном языке, о метафорах, связанных с экономикой, которые использовались британской партией консерваторов на выборах 2010 г., о метафорах для «вверх» в английском и китайском, метафорах слухового восприятия в китайском и английском, метафорах, связанных с Олимпийскими играми в английском и китайском бизнес-дискурсе, метафоре «войны» в китайских и английских спортивных новостях, метафорах в названиях лечебных растений и т. д.

Был представлен целый ряд докладов, посвященных метафорическим наименованиям любви в классической китайской поэзии и современной популярной музыке, в тайваньской любовной лирике после 90-х, а также сравнению систем метафор любви в китайском и английском. Метафорам, связанным с температурными прилагательными, тоже было посвящено несколько докладов о системе температурных метафор в китайском, о китайских метафорах, связанных с огнем, а также о сочетаемости китайских прилагательных «холодный / горячий» с различными типами существительных. Интересно отметить, что эти сходные по тематике доклады были сделаны представителями разных университетов, что говорит о достаточно широком интересе к такого рода исследованиям в Китае.

Третьим важным направлением для китайских специалистов, присутствовавших на конференции, было применение достижений когнитивной лингвистики в обучении иностранным языкам, в частности, в когнитивных методиках преподавания английского (усвоении метафор, лексических прототипов и т. д.).

О большом интересе к когнитивной лингвистике в Китае свидетельствуют также книги, представленные на книжной выставке. В этот раз наряду с хорошо знакомыми русским лингвистам издательскими домами John Benjamins и De Gruyter Mouton были представлены китайские издательства Foreign language teaching and Research press и Shanghai foreign language education press. Серия, посвященная лекциям знаменитых лингвистов, издательства Foreign language teaching and Research press вызвала особенный интерес. В ней уже вышли циклы лекций Дж. Лакова, Р. Лангакера, Дж. Тейлора, Л. Талми, Ж. Фоконье, К. Синха, М. Тернера и Д. Геерартса. В каждое издание входит диск, на котором представлены видеозаписи (есть и аудиовариант в формате mp3) лекций, прочитанных в последние годы в ведущих университетах Пекина, и книга, дающая полную



расшифровку всех лекций с небольшим предисловием на китайском языке.

Книги, представленные китайскими издательствами, можно было приобрести прямо на выставке, а книги других издательств заказать со скидкой и бесплатной доставкой по указанному адресу. Такой интересный китайский опыт пропаганды лингвистических знаний могли бы, как кажется, с успехом перенять и наши крупные издательства.

Об успешном развитии когнитивной лингвистики в Китае свидетельствуют и совместные доклады китайских и европейских исследователей. Таким был доклад Чжан Вэйвэй (Китай), Д. Геерартса и Д. Спеельмана (Бельгия) «(Не)метонимические выражения для наименования правительства в китайском». Несмотря на то, что все исследователи представляли университет Лёвена в Бельгии, тема выступления скорее объединяла его с китайскими сообщениями. В свете когнитивной социолингвистики в докладе освещался вопрос о наименовании разных правительств в китайском языке. Корпусное исследование проводилось на материале газет на двух вариантах китайского языка: нормативного материкового и тайваньского. Каждый пример в корпусе был размечен по нескольким показателям, таким как стилистический регистр, синтаксическая позиция и пр. Задачей исследования было определение факторов, влияющих на выбор обозначения одного понятия метонимическим или неметонимическим способом (например, «Пекин» вместо «китайское правительство»), как потенциальный фактор рассматривалась и диалектная характеристика текста. Мощный статистический анализ подтвердил интуитивно понятные предположения: некитайское правительство реже называется метонимически, тогда как спектр наименований китайского правительства чрезвычайно широк и варьирует в зависимости от варианта китайского языка.

В русскоязычной публикации следует отметить серию корпусных докладов, освещавших данные русского языка с опорой на Национальный корпус русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)). Они были представлены норвежской группой когнитивных исследований CLEAR под руководством Л. Янды и Т. Нессета.

Доклад Т. Нессета и А. Макаровой (Норвегия) «Прототипы и локальность: морфологическая вариативность в русских глаголах на -ну-» был посвящен морфологической вариативности в русских глаголах на примере чередования суффикса -ну- с нулевым показателем в глаголах типа *привыкнуть*. Исследование охватило большой массив примеров (более 34 тыс.): в базу данных попали все употреб-

ления этих глаголов в формах, допускающих вариативность. Корпус позволил описать распределение -ну- и нулевого суффикса в различных глагольных формах и определить факторы, влияющие на выбор формы с или без -ну-. Без -ну- используются личные формы глаголов в прошедшем времени немужского рода и префиксальные личные формы мужского рода, почти всегда без -ну- используются непрефиксальная форма мужского рода и префигированные причастия. Суффикс -ну- сохраняется в непрефиксальных причастиях и в деепричастиях. Статистический анализ показал, что на распределение -ну- и нулевого показателя влияют префиксация и глагольная форма, в то время как переходность и фонологические свойства основы оказываются статистически незначимыми факторами. Материал данного исследования позволил еще раз оценить факторы, важные для выделения прототипа: значение – наименее маркированное, формальное выражение – наиболее регулярное и частотность – наибольшая. Для описания вариативности -ну-/нуль было необходимо рассмотреть все указанные факторы во взаимодействии. Исследование показало, что для разных форм прототипичными оказываются разные варианты: с и без -ну-. Так, для деепричастий прототипом является форма с -ну-, а для финитной формы мужского рода с приставкой – без -ну-. Было продемонстрировано, что развитие прототипов может не охватывать всю категорию сразу и происходит на локальном уровне (*local domains*).

Т. Нессет и Л. Янда (Норвегия) представили доклад «Метафорическая форма действия: глагольные классификаторы в русском языке», подводящий итоги многолетнего исследования, посвященного приставкам русских глаголов. В нем предлагалось рассмотреть сходства между системой приставок в русском языке и глагольными классификаторами, обычно исследуемыми в австралийских языках. Как правило, классификаторы в тех языках, в которых их выделяют, являются группой сходных по функции показателей, различающихся в зависимости от формы референта в случае именных показателей или типа действия в случае глагольного класса. Глаголы с приставками в русском языке можно разделить на две группы. К первой группе будут относиться глаголы, в которых приставка привносит однозначно выделяемое значение: например, у приставки *раз-* есть значения ‘дробить’ (ср. *растоптать* от *топать*), ‘увеличиваться’ (ср. *раздуть* от *дуть*), ‘распространяться’ (ср. *раскатать* от *катать*). Ко второй группе будут относиться глаголы, в которых приставка не привносит легко выделяемого значения. Исследование показало, что для каждой из приставок набо-

ры значений в первой и второй группе глаголов сходны между собой, например, среди глаголов с приставкой *раз-* во второй группе представлены такие глаголы, как *раздавить* со значением 'дробить', *разпухнуть* со значением 'увеличиваться', *разветвиться* со значением 'распространяться'. Таким образом, даже когда приставка не привносит непосредственного значения в приставочный глагол, она функционирует как классификатор, т. е. маркирует тип глагольной основы. Т. Нессет и Л. Янда продемонстрировали, что существует корреляция между семантическими типами глагольных основ и употребляемыми приставками – получается, что русский язык проявляет типологическое свойство, которое до этого считалось ареально ограниченным. Возможно, и в других давно изучаемых языках тоже есть глагольные классификаторы, которые скрываются под иными традиционными названиями.

Ю. Кузнецова и О. Ляшевская (Норвегия) представили два совместных доклада. В сообщении «Как взаимодействуют конструкции» они обратились к важному для современной теории грамматики конструкций вопросу: «Что происходит при взаимодействии двух конструкций в рамках одного предложения?». На примере трех пар конструкций русского языка авторы показали, что при взаимодействии двух конструкций их одинаковые по форме элементы сливаются, отличающиеся по форме непосредственно следуют за ними, а семантические и дистрибуционные ограничения конструкций на элементы влияют друг на друга.

В докладе «Конструкции и альтернации: могут ли две конструкции значить одно и тоже?» Ю. Кузнецова и О. Ляшевская пришли к выводу, что для понимания того, как функционируют альтернации, необходимо представить примеры каждой конструкции как радикальную категорию [Lakoff 1987]. В этом случае некоторые примеры будут для конструкции более близкими к прототипу (например, *Он отдал почтальону письмо* близко к прототипу дативной конструкции), в то время как другие примеры будут расположены дальше от центра (например, *Он испортил ей жизнь*). Авторы показали, что во всех исследованных случаях альтернация может происходить между примерами периферийными для обеих конструкций либо между примерами прототипическими для одной, но периферийными для другой конструкции, но никогда между примерами прототипическими для обеих альтернирующих конструкций.

Конференция, конечно, слишком велика, чтобы осветить ее всю в жанре хроники и просто охватить все темы и все десять параллельных секций. Тем не менее мы хотели бы здесь

отметить, что когнитивный подход с успехом применяется к разным областям лингвистики от морфологии до социолингвистики, и в заключение обзора проиллюстрировать это на примере нескольких докладов.

Начнем с морфологического доклада С. Пеппера (Норвегия) «Стратегии ментального доступа в образовании сложных имен: данные из Африки». Он исследовал структуру сложных слов на материале африканского языка низаа (адамуа-убангийская семья нигер-конго). Место вершины сложного имени в низаа на первый взгляд совершенно непредсказуемо. Из 534 сложных слов в низаа, извлеченных из экспедиционного дневника Р. Тайля, в докладе рассматривались только 203 сложных слова, все части которых представляли собой существительные, причем в шестидесяти процентах случаев главное слово оказалось расположено слева от зависимого, в сорока – справа. С. Пеппер классифицировал всю выборку по типам семантических отношений. Выяснилось, в частности, что слова, описывающие термины родства и отношения часть-целое обычно имеют вершину справа, а слова, описывающие другие типы семантических связей, – слева. Если обобщить полученные результаты, можно сказать, что посессивные конструкции тяготеют к оформлению в правовершинные сложные слова, а при описании подтипа из группы имеют место сложные слова с вершиной слева. Здесь важно, что структура сложных слов коррелирует с характерными для низаа синтаксическими структурами: так, в посессивных конструкциях посессор предшествует объекту, а определение в низаа постпозитивное. Таким образом, описав свой материал в терминах семантических отношений, С. Пеппер показал системность различий между право- и левовершинными сложными словами в языке низаа и их мотивированность более общими правилами.

Другой морфологический доклад «Диминутивы в хорватском: взаимодействие морфологии, семантики и прагматики», представленный М. Жиц-Фукс и М. Кральевич (Хорватия), был посвящен именным диминутивам в хорватском языке. Система хорватских диминутивов напоминает русскую, выбор возможных суффиксов чрезвычайно широк (37 суффиксов), и принципы выбора также до сих пор до конца не определены. В цели корпусного исследования М. Фукс и М. Кральевич входило описание внутренней структуры категории диминутивности в хорватском языке, а также обнаружение более и менее продуктивных моделей. Таким образом, от привычного в литературе по славистике описания способов образования диминутивов исследовательницы обратились к вопросу функционального рас-



пределения различных показателей диминутивности. Исследование выявило, что диминутивные морфемы неравномерно распределены между существительными трех родов, более того, большое значение при выборе диминутивной морфемы имеет тип существительного: для абстрактных существительных выбор значительно уже, чем для конкретных, сложные суффиксы преимущественно используются с конкретными существительными. Семантика и прагматика мотивируют выбор диминутивной морфемы, а также коррелируют со сложностью самого диминутивного суффикса. В докладе, отражавшем первую стадию исследования, были намечены принципы организации внутренней структуры категории диминутивности в хорватском языке.

Лексикологический доклад Д. Тагги (Мексика) «К определению категории – *eggcorn*» был посвящен одному типу языковых ошибок, которые автор разбирал на примере слова *eggcorn*. Носитель английского языка, пользующийся этим словом, предполагает, что слово *acorn* ‘желудь’ является композитом и состоит из двух основ – *egg* ‘яйцо’ и *corn* ‘зерно’. Это предположение, хотя и этимологически не обоснованное, включает в себе некоторую логику. Можно представить себе, что желудь – это такое зерно, которое по форме похоже на яйцо. Получается, что в социуме присутствует одновременно два слова (*acorn* и *eggcorn*) для одного и того же понятия и носители не замечают того, что они пользуются разными лексемами, с различной этимологией и внутренней структурой. Д. Тагги предложил когнитивную модель для описания этой языковой ситуации.

М. Винтерс (США) в докладе «Синтаксис: знаковый или автономный?» предложила вернуться к известной дискуссии между сторонниками формальных и когнитивно-функциональных теорий о статусе синтаксиса в языке. В то время, как сторонники формальных теорий предлагают считать, что синтаксические явления можно изучать в отрыве от семантики, сторонники когнитивно-функциональных теорий полагают, что все синтаксические явления имеют семантическую подоплеку и в этом смысле являются знаками. Так, в формальных теориях предлагается описывать поведение анафорических местоимений, пользуясь чисто синтаксическим принципом С-командования, в то время как в когнитивно-функциональных теориях предлагается объяснить все те же явления, опираясь исключительно на семантику (см. [Ноек 1997]). М. Винтерс предложила специалистам по когнитивной лингвистике обсудить следующие утверждения. Во-первых, не существует способа показать, что весь синтаксис является знаковым, не исследовав всех воз-

можных синтаксических структур. Во-вторых, не до конца ясно, что бы могло служить контр-примером утверждения о знаковости синтаксиса: какую синтаксическую структуру мы готовы признать имеющей чисто структурные свойства? Например, готовы ли мы признать значимыми употребления анафорических местоимений в конструкциях, не имеющих значения рефлексивности или медиа (ср. франц. *s'en aller* ‘уходить’ или ивр. *hitpalel* ‘молиться’). М. Винтерс закончила свой доклад еще более глобальным вопросом: какова объяснительная сила теории знакового синтаксиса и насколько хорошо эта теория описывает то, как носители языка пользуются грамматикой.

Г. Кристиансен (Испания) в своем психолингвистическом исследовании «Усвоение языка и категоризация диалектов: мультифакторный анализ экспериментальных данных» изучила вопрос, в каком возрасте дети начинают осознавать диалектные различия. Материалом послужили диалекты испанского языка. Сравнивались три диалекта, на которых говорят в Испании, а также диалекты Мексики, Аргентины и произношение иностранцев, изучающих испанский язык. Испытуемым в эксперименте предлагалось соотнести записанную речь с одним из диалектов в списке. Результаты показали, что дети в очень раннем возрасте (самая младшая группа в эксперименте – 6–7 лет) хорошо различают и идентифицируют диалекты. Затем Г. Кристиансен задала вопрос: как происходит усвоение диалектных различий? В следующем эксперименте испытуемым было предложено объяснить, по каким именно признакам они отличают тот или иной диалект. На основании выявленных таким образом факторов был произведен мультифакторный анализ, который показал, что для «опознания» диалекта ребенку особенно важны два из них. Во-первых, это социально маркированные фонетические признаки (например, в андалусийском диалекте часто не произносится конечный согласный слова). Во-вторых, это наличие знаменитостей, которые говорят на этом диалекте (например, благодаря известному футболисту из Галисии многие могут ассоциировать то, как он говорит, с галисийским диалектом). Если хотя бы одно из этих условий выполняется, диалект опознается лучше и с более раннего возраста.

Доклад Д. Герарта (Нидерланды) «Характеристики понятия, основанные на прототипе, и лексические дистанции между диалектами» продолжил серию его работ о применении методов когнитивной лингвистики в социолингвистике. Лексические значения представляют собой гибкие образования, которые неравномерно распределены в языковом сообществе и

которые удобно описывать с помощью семантической модели, опирающейся на понятие прототипа. Чем менее знакомым и очевидным является некоторое понятие, тем выше уровень вариативности обозначающих его лексем. Материалом исследования послужили лимбургские диалекты Нидерландов и Бельгии, лексический состав которых и стал объектом квантитативного исследования. Д. Геерартс включает понятия прототипичности и закрепленности (entrenchment) в диалектологические исследования и показывает, что диалектную гетерогенность и дистанцию можно описать и измерить с помощью аппарата когнитивной лингвистики.

На ассамблее членов международной ассоциации когнитивных лингвистов был выбран новый президент организации. Л. Янду на почетном посту сменил К. Синха, президент ассоциации когнитивных лингвистов Великобритании. В 2013 г. когнитивных лингвистов примет университет Альберты (Канада), а в 2015 – университет Ньюкасла (Великобритания).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Baayen et al. 2011 – *R.H. Baayen, P. Hedrix, M. Ramscar*. Sidestepping the combinatorial explosion: Towards a processing model based on discriminative learning. LSA workshop 'Empirically examining parsimony and redundancy in usage-based models'. Edmonton, 2011.

Hinds 1986 – *J. Hinds*. Situation vs. person focus. Tokyo, 1986.

van Hoek 1997 – *K. van Hoek*. Anaphora and conceptual structure. Chicago, 1997.

Horie (in press) – *K. Horie*. Versatility of nominalizations: where Japanese and Korean contrast // F.H. Yap et al. (eds.). Nominalization: diachronic and typological perspectives. V. 2. Amsterdam (in press).

Ikegami 2005 – *Y. Ikegami*. Indices of a 'subjectivity-prominent' language: Between cognitive linguistics and linguistic typology. Annual review of cognitive linguistics 3. Amsterdam; Philadelphia, 2005.

Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

*Л.С. Холкина, Ю.Л. Кузнецова, А.Б. Макарова*

*Сведения об авторах:*

Лилия Сергеевна Холкина  
Институт стран Азии и Африки МГУ им.  
М.В. Ломоносова;  
Пекинский Университет  
kholkina@gmail.com

Юлия Львовна Кузнецова  
University of Tromsø  
julia.kuznetsova@uit.no

Анастасия Борисовна Макарова  
University of Tromsø  
anastasia.makarova@uit.no